

Экс-ведущему ОРТ Сергею ДОРЕНКО, носившему звание «телекиллера», в нынешней жизни вход на телевидение заказан. Раз в неделю выступает с комментариями на «Эхе Москвы», в остальное время — делает «то, что впендюрит-ся». Занимается своими и чужими инвестициями, редактированием, творческим консалтингом и политическими выступлениями.

Таким образом ему удалось заработать 30 тысяч долларов в прошлом году и 120 тысяч в этом. «Я декларирую свои доходы, плачу налоги, потому что должен быть святое папы римского», — говорит Доренко.

О том, изменились ли его взгляды за то время, что его не видно на экране, Доренко рассказывал в интервью «Новой».

— Сергей, сегодня всюду закрываются газеты, радиопередачи и телепрограммы. Вам не кажется, что рано или поздно наступит время, когда власти придется возрождать независимую прессу?

— Мы движемся в сторону полной виртуальности политической жизни. Чечня блистательно исчезла уже во время очередного предновогоднего общения президента с народом: в течение пяти часов никто не задавал ему этого вопроса. У нас нет безработицы, невыплат зарплат, проблем с учителями и врачами, с выборами. Создана стерильная фармацевтическая атмосфера, где царствует главный фармацевт Путин. Виртуальности все равно, что в деле «ЮКОСа» речь только о том, чтобы присвоить компанию. Что выборы в Думу были проведены грязно. Она не учитывает фактор Беслана, полагая, что это некие инопланетяне, международные террористы все устраивают, а внутри страны все хорошо.

— Четыре года назад вы поддерживали Путина. Насколько сегодня изменилось ваше отношение к нему?

— Я никогда не поддерживал персон. Я поддерживаю идеи и свою страну. В 1999 году я поддерживал жесткую, решительную, жесткую и жесткую операцию в Чечне. И я верил в то, что делал Путин. Я верил в то, что он добьется, а он решил не добиваться. Я стал критиковать его и за это, и за лицемерие с «Курском». Он лично разрешил мне поехать в Видяево, где меня встречали все эти адмиралы, водили по подводным лодкам и показывали закрытые объекты — Волошин им звонил. В программе вдовы и сослуживцы погибших да и я сам много наговорили. Мне сказали, что я сумасшедший, и меня закрыли.

Для меня Путин — функция, а я поддерживаю идеи. Сегодня Зюганов соответствует идее, я его поддерживаю. Когда же Путин предлагал мне идти работать в его команду, я сказал, что я не человек команды.

— Сейчас модно сравнивать Путина с политическими деятелями прошлого — с Пиночетом, Муссолини, даже Николаем I. С кем его сравнивали бы вы?

— Все, кто приписывает ему силу, заблуждаются. Вся его жесткость и жестокость связаны со слабостью. Он прекрасно знает о ней и боится ее. Это человек, оказавшийся не на своем месте, с комплексом Лжедмитрия.

— О 1999 году, переломном для России, со временем будут писать книги и снимать сериалы. Вы считаете свою программу, выходящую на ОРТ в период предвыборной войны, вашим вершинным взлетом в журналистике?

— Я встречаю многих, кто помнит, что я был тем телеведущим, который работал в Грозном, вешал из окопов. В сентябре 99-го я стоял в окопах над Гамияхом, когда шел бой за Новоласское. В январе 2000 года — на площади Минутка через 20 минут после боя.

Той осенью передачи, которые я называл «15 серебряных пуль», во многом развернули страну. Их пафос заключался не в Лужкове, а в необходимости вылечить Чечню. Я призывал ввести войска, когда они еще не были введены, призывал дойти до Грузии... Все верили, что Путин займется Чечней. Он не занялся, и сегодня Чечня — виртуальная реальность. Что же касается Лужкова... Сегодня люди не помнят самих передач, а то, что о них писали когда-то в газетах. И меня веселит эта ситуация, ярко характеризующая аудиторию.

— А с Березовским вы сегодня поддерживаете отношения?

— Они всегда у нас были очень дружеские, но были и немалые политические разногласия. Он считал Ельцина выдающимся политическим деятелем, а я его публично называл «старым гамадрилом». Бе-

«Я не знаю, как меня разменивали»

Сергей Доренко не собирается возвращаться на телевидение

резовский агитировал за переговоры с чеченцами, а я — за ковровые бомбардировки. Таких разногласий было много.

Сейчас я с волчьим билетом, но у нас нет никаких общих проектов в Лондоне, Нью-Йорке или Голливуде.

Березовский — экстраординарный человек. И ему сейчас трудно. Было бы слишком предсказуемо, не по-мужски — взять и отречься, когда это выгодно. У меня нет оснований плевать в него, мне не нужно замечать следы старой небескорыстной дружбы, как значительной части русской политической элиты.

У меня есть кусткамера, где стоят женщина с бородой, двуглавый младенец в глицирине и Березовский. Думаю, у него есть аналогичная кусткамера, где есть и Доренко. Рядом с тусклой молю и андроидами, которые нас сегодня окружают, хочется говорить с кем-то

искрометным. Нам есть за что выпить, хотя встречаемся редко, раз в два месяца.

— Водку пьете?

— Он — красное вино, а я люблю барбадосский ром и ирландское виски. Последнее у него в доме редко встретишь, потому что окружающие его дурные советчики советуют ему шотландское.

— С отъездом в Лондон он стал либералом?

— Он всегда им был, но он был правым либералом. А они в России неприемлемы. Все то, что они делали последние 10 лет, показывает социальную безответственность их политики. Двадцать, может, тысяча лихих парней, которые понахватали, хвалять друг друга могут сколько угодно. Но многих олигархов, реальных миллиардеров, которые сидят в тени, мы не знаем даже по фамилиям.

— Предписанная высшими силами назначаемость гу-

бернаторов может сделать срок пребывания во власти для мэра последним. В этой связи ваше отношение к Лужкову за прошедшие пять лет не изменилось?

— Банкир Лебедев говорил, что бюджет Москвы составляет 10 миллиардов долларов в год. Это очень сытный кусок, который Кремль хотел бы забрать себе. Это лишь ревность к команде, которая пилит 10 миллиардов. Лужков публично дерзит, чтобы нравиться людям, он — публичный политик. Лужков категорически возражал против замены льгот денежными компенсациями, но все депутаты от Москвы из так

называемого «списка Лужкова» проголосовали за нее.

— Вас ведь приглашали на ТВ?

— Предложений было много, некоторые исходили от развеселых дециметровых каналов. Они ставили главным условием, чтобы я делал программу, которую не будут критиковать в Кремле. Серьезные каналы предлагали заниматься политикой. Их владельцы были вызваны в Кремль, где им сделали строжайшее внушение. Им было сказано, что потеряют бизнес, если пригласят Доренко. Было приглашение делать программу в Нью-Йорке. Поступал ряд приглашений от серьезных независимых

производителей, активно представленных на первых двух кнопках. Предлагали вести «Алчность» на НТВ, ехать на какой-то остров. Полный бред, одним словом.

— Вашим последним местом работы на ТВ был телеканал «Московия». Затем была дана команда прекратить конфликт с московскими чиновниками, ваша программа, носившая антилужковский характер, стала не нужна. Уход с канала был связан с этой пришедшей свыше установкой или с заведенным против вас уголовным делом после наезда на пешехода?

— Были люди, которые в 2001 году после двух синяков у человека придумали мне уголовное дело. Я был в Кремле 10 апреля. Я сказал, что не участвую в политических проектах Березовского и прошу у Кремля не вытеснять меня в эмиграцию. 12 апреля мне сказали, что наверху дали добро, а 15-го я попал в эту странную аварию с участием пьяного офицера и двух милиционеров.

Контроль над развитием уголовного дела был полностью в руках так называемых силовиков. Они объявили, что выручат меня, если пойду к ним работать. И я вынужденно оказался на 3-м канале.

Потом мне передавали, что их шефу, Путину, очень нравится, как я работаю. Я не знаю, как меня разменивали, но все же дали четыре года условно. Позвонил один из этих ребят и спросил, почему я не выхожу на работу. Я напомнил о невыполненных договоренностях: выдуманное дело обещали закрыть, если я буду

«Для меня Путин — функция, а я поддерживаю идеи»

● Евгений ДАНИЛОВ